

**СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЙ
СМИРНОВ БУЯКОВ**

ОТРЯД АСАНО

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ВООРУЖЕННЫХ ФОРМИРОВАНИЯХ МАНЬЧЖОУ-ГО (1938-1945)

Алексей Буяков

**Отряд Асано. Русские эмигранты
в вооруженных формированиях
Маньчжоу-го (1938–1945)**

«Алисторус»

2015

УДК 327 (470+571)
ББК 66.4(2)

Буяков А. М.

Отряд Асано. Русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945) / А. М. Буяков — «Алисторус», 2015

ISBN 978-5-906817-09-9

Монография посвящена одной из малоизученных страниц в истории российской эмиграции в Китае – деятельности русских воинских формирований в «независимом» государстве Маньчжоу-го. Опираясь на новые документальные материалы, авторы детально описывают историю существования русских воинских отрядов на протяжении 1938–1945 годов. Книга рассчитана на специалистов и всех тех, кто интересуется историей российской эмиграции и вместе с тем историей Китая первой половины XX века.

УДК 327 (470+571)
ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-906817-09-9

© Буяков А. М., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Предисловие	6
Пролог	8
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Смирнов, Алексей Буяков Отряд Асано. Русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945)

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

© Смирнов С. В., Буяков А. М., 2015

© Фонд «Историческая память», 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Предисловие

История русских воинских отрядов в государстве Маньчжоу-го (северо-восточный Китай, Маньчжурия), насчитывающая не более десяти лет (середина 1930-х – середина 1940-х годов), с самого своего начала была окутана покровом таинственности. Причины этого вполне понятны: прежде всего, отсутствие или малая доступность для исследователя надежных источников.

Первое упоминание о русских воинских отрядах (в частности, отряде Асано) появилось в обширном исследовании одного из крупнейших русских эмигрантских историков Петра Балакшина «Финал в Китае». Эта книга была издана в Сан-Франциско в 1958 году. Приводимые Балакшиным сведения уместились в двух абзацах его двухтомного сочинения и были основаны на информации эмигрантской периодики, начавшей освещать деятельность русских воинских отрядов в последний период их существования (1944–1945).

Более тщательно историей отряда Асано интересовался американский историк Джон Стефан, известный отечественному читателю, прежде всего, как автор первого крупного труда, посвященного русскому фашизму, «Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945». Будучи изданным в Соединенных Штатах в 1978 году, он стал доступен для российской аудитории только после выхода в свет усеченного в своей справочно-информационной части русского перевода в 1992 году. Стефан, располагая лишь отдельными японскими материалами, публикациями и воспоминаниями русских эмигрантов, перебравшихся после окончания Второй мировой войны из Китая в Америку, «лихо» закрутил сюжет вокруг «бригады Асано», дав жизнь нескольким существующим и по сей день мифам. Это относится к связям отряда Асано с фашистской партией, численности подразделения, его командованию и участию в советско-японских конфликтах конца 1930-х годов, особенно в боях на Халхин-Голе.

В Советском Союзе, где проживало несколько сотен бывших асановцев, до начала 1990-х годов в исторической литературе почти не было упоминаний о русских воинских отрядах в Маньчжоу-го. Только снятие грифа «секретно» с эмигрантской тематики позволило исследователям обратиться к ранее не изучавшимся проблемам, а пионерами здесь выступили бывшие эмигранты, вернувшиеся на родину после Второй мировой войны.

Одним из первооткрывателей «русской Маньчжурии» для отечественной аудитории стал Анатолий Кайгородов, писатель и краевед, знаток казачьего Трехречья. Будучи в чем-то созвучным со Стефаном, Кайгородов заметно героизировал деятельность эмигрантского политического актива, добавил красочных деталей, новых фактов, к сожалению, не имеющих документального подтверждения. Его асановцы в сражениях на Халхин-Голе составляют грозную силу, которую и японцы боятся активно использовать. Они на полном скаку вырубают целые подразделения монгольской кавалерии, а позже, в 1945 году, гибнут или от рук коварных союзников-японцев, или в неравном противостоянии с частями вторгнувшейся в Маньчжурию Красной армии. Косвенно все это, казалось бы, подтверждалось появившимися в 1990-е годы из архивных недр ФСБ документами, освещавшими активную антисоветскую деятельность русской эмиграции в Маньчжурии. Едва ли не единственный сборник подобного рода документов вышел под редакцией Елены Чернолуцкой в 1994 году в Южно-Сахалинске.

«Литературное обаяние» Стефана и Кайгородова оказалось настолько велико, что почти все исследователи, в той или иной степени обращавшиеся к истории русских воинских отрядов, оказывались в плену их трактовок и оценок, несмотря на использование в отдельных случаях вполне надежных документальных свидетельств из бывших спецхранов советской госбезопасности. Здесь мы можем отметить работы Александра Окорокова, Виктора Усова, Сергея Балмасова, Евгения Яковкина, а также бесчисленное множество статей и заметок на бескрайних просторах Интернета.

Авторы предлагаемого сочинения не тшат себя надеждой стать выразителями единственно возможной «объективной реальности» изучаемого предмета. Но в рамках предпринятого исследования мы старались уйти от однозначных оценок и «расхожих штампов», строго опираясь на документальную основу и критически осмысливая всю полученную из источников информацию. Мы не делаем попыток ни обвинить, ни оправдать, ни героизировать, ни морально осудить. Как отмечал крупный британский историк А. Тейлор, «историкам часто не нравится то, что произошло, и хочется, чтобы это произошло по-другому. Но делать нечего. Они должны излагать правду, как они ее видят, и не беспокоиться, разрушает ли это существующие предрассудки или укрепляет их». Мы всемерно старались следовать рекомендациям Тейлора.

В деле снятия «покрова таинственности» над историей русских воинских отрядов очень важным стало обращение авторов не только и не столько к центральным архивам, сколько к региональным хранилищам исторической информации, а также к документам, хранящимся в Соединенных Штатах (в частности, в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско), куда после окончания Второй мировой войны выехало несколько тысяч русских эмигрантов из Китая. Авторы приносят искреннюю благодарность сотрудникам всех обозначенных в примечании к монографии архивов за помощь в работе с документальными коллекциями, а также бывшим асановцам, чьи воспоминания мы использовали, их родственникам (К. Г. Асриянцу) и горячим энтузиастам-поисковикам, непрофессиональным историкам (В. В. Перминову и П. В. Шахматову).

Последнее: в связи с часто встречающимися разночтениями в китайских и японских названиях, а также именах, мы используем традиционно принятый в Китае и Японии порядок написания имен собственных: сначала фамилия, затем имя. Также мы придерживаемся принятых в отечественном китаеведении и японоведении правил транскрипции китайских и японских слов на кириллице.

Пролог

Русские эмигранты в Маньчжурии.

Борьба эмигрантских политических сил за

сохранение военного потенциала эмиграции

В ходе революции 1917 года и Гражданской войны в России северо-восток Китая, Маньчжурия, стал одним из крупнейших центров расселения российских эмигрантов. В начале 1930-х годов на этой территории проживало более ста тысяч эмигрантов и примерно столько же советских граждан.

Маньчжурия, имевшая протяженную границу с Россией, притягивала к себе пристальное внимание большевиков и их противников. В годы Гражданской войны Маньчжурия служила базой для антибольшевистских сил. Здесь формировались белые отряды (наиболее известен Особый Маньчжурский отряд атамана Г. М. Семенова), администрация Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) во главе с генерал-лейтенантом Д. Л. Хорватом имела тесные связи с антибольшевистскими правительствами Сибири и Дальнего Востока и представителями держав-интервентов. В свою очередь, большевики в Маньчжурии вели тайную войну против белых, направляя сюда своих агентов и поддерживая просоветскую оппозицию. С разгромом последнего оплота белых сил в Приморье в 1922 году влияние большевиков на сопредельной китайской территории только усилилось.

В 1924 году, прибегнув к нажиму на официальный Пекин, Советский Союз добился установления дипломатических отношений с Китайской Республикой, а КВЖД, построенная Россией в начале века в ходе осуществления наступательной политики на Дальнем Востоке, перешла под двойственное советско-китайское управление. После этого в Маньчжурию хлынул поток сотрудников советских спецслужб, одной из главных задач для которых являлась борьба против антисоветской эмиграции. В то же время для антибольшевистского актива эмиграции Маньчжурия выступала своего рода плацдармом для проникновения на территорию СССР и продолжения борьбы против советской власти. Таким образом, на протяжении 20-х – начала 30-х годов в Маньчжурии продолжалось противостояние между Советами и анти-советской эмиграцией. В этой борьбе важным вопросом для политических кругов эмиграции являлся вопрос о наличии собственных вооруженных сил, которые при условии подъема массового антибольшевистского движения в Советском Союзе могли бы сыграть решающую роль в свержении советского режима.

Однако ни на Западе, ни на Востоке в это время фактически не было сил, готовых активно поддержать потерпевший поражение в Гражданской войне в России белый лагерь. Китай, в котором в начале 20-х годов оказалось до 500 тысяч бывших российских граждан, лишь формально оставался единым государством. После Синьхайской революции, уничтожившей монархию, ведущей политической силой в стране стали милитаристские клики, контролировавшие определенные части Китая. Господствовавший в Маньчжурии маршал-хунхуз Чжан Цзолинь,¹ лидер фэньтяньской группировки, не желая лишнего обострения отношений с Советским Союзом, весьма прохладно относился к антибольшевистскому сопротивлению, базировавшемуся в пределах его территории. Белые партизанские отряды действовали в приграничной зоне на свой страх и риск быть осужденными на тюремное заключение за бандитизм. Случаев арестов белопартизан было немало. Так, один из лидеров белопартизанского

¹ См. приложение.

движения в Забайкалье, генерал-майор И. Ф. Шильников,² после разгрома его штаба советским специальным подразделением был арестован китайскими властями в 1923 году и провел в тюрьме около двух лет.

В середине 1920-х годов, благодаря активным действиям советских спецслужб по ликвидации баз белого партизанского движения на территории Маньчжурии,³ гибели партизанских лидеров и отходу от дел основной массы повстанцев, белопартизанское движение в пограничных с Советским Союзом районах почти исчезло. Предпринявший в 1924–1925 годах поездку на Дальний Восток представитель Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) генерал-лейтенант А. С. Лукомский, зондируя почву на возможность организации антибольшевистского восстания в Восточной Сибири, отмечал, что ни внутренних, ни внешних условий для этого практически нет. Указывался недостаток на Дальнем Востоке кадровых офицеров и вообще достаточно подготовленных офицеров среднего и высшего состава, отсутствие настоящих лидеров, за которыми бы пошла основная масса эмигрантов, разложение дисциплины и нежелание многих военных продолжать антисоветскую работу.⁴

В последующие годы такие эмигрантские организации, как Русский Обще-Воинский Союз (РОВС), Братство русской правды (БРП), легитимисты, продолжали попытки создания агентурной сети на советской территории, пропагандистской и диверсионной деятельности, впрочем, не очень удачно. Советская разведка, обладая широкой агентурой, в том числе в среде партизан и в рядах антисоветских организаций, эффективно противостояла этим попыткам и сама вела успешную деятельность по разложению и нейтрализации антибольшевистских сил.

Некоронованный король Маньчжурии Чжан Цзолинь, не позволяя белым открыто работать в Маньчжурии против большевиков, в то же время охотно приглашал к себе на службу русских военных. После неудачной для него первой войны против главы чжилийской военной группировки генерала У Пэйфу за влияние на Пекин Чжан Цзолинь создал в своих войсках русское подразделение, которое весной 1924 года возглавил генерал-лейтенант К. П. Нечаев.⁵

Русская авангардная группа, первоначально всего в несколько сот человек, входившая в войска соратника Чжан Цзолиня генерала Чжан Цзунчана, в дальнейшем выросла в войсковую группировку, включавшую в себя до четырех тысяч человек и имевшую в своем составе пехоту, кавалерию, бронепоезда, технические подразделения, авиаотряд. Часть офицеров Русской группы были склонны рассматривать ее как костяк будущей освободительной антибольшевистской армии. Были установлены отношения с европейским белоэмигрантским центром, а Великий Князь Николай Николаевич признан в качестве вождя. Правда, единого мнения в отношении службы русских в китайской армии в Европе не было – большинство руководителей РОВС высказывались против этого. Так же как и многие старшие офицеры-эмигранты в Китае.

Стоит отметить, что подавляющая часть эмигрантов шла в китайскую армию совсем не ради идеологических целей, а чтобы хоть как-то обеспечить себя и свою семью в условиях значительной безработицы и отсутствия у многих из этих людей гражданских профессий. Они были просто наемниками, ландскнехтами, как любил называть себя и своих подчиненных генерал Нечаев. Антисоветский, романтический в своей основе порыв был характерен скорее для поступавшей в китайскую армию части эмигрантской молодежи, не успевшей принять участия в боях Гражданской войны и желавшей быть похожими на героев Белой армии. Руководство Русской группы войск дало возможность русской молодежи, поступавшей на службу в китайскую армию, получить военное образование. Были созданы сначала особая Юнкерская рота, а чуть позднее Шаньдунское военно-инструкторское училище (Шаньдунский офицер-

² См. приложение.

³ Буяков А. М., Шилин О. В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 гг. – М.: Кучково поле; Беркут, 2013. С. 167, 168.

⁴ Hoover Institution Archives. Aleksandr Lukomskii. Box 1. F. 1-35. P. 144–146.

⁵ См. приложение.

ский инструкторский отряд), действовавшее до конца существования Русской группы и осуществившее в крайне сложных условиях два выпуска молодых офицеров, чье производство в чин было признано РОВС.⁶

Тем не менее судьба Русской группы Шаньдунской армии была печальна. Потеряв за период своего существования более двух тысяч человек, Русская группа была окончательно ликвидирована в конце 1928 года, так и не оправдав возлагавшихся на нее некоторыми эмигрантскими политиками надежд.⁷

В конце 1920-х годов произошло обострение советско-китайских отношений. Новый политический лидер Китая, Чан Кайши, стремясь заручиться поддержкой западных держав и окончательно разгромить подпитываемое северным соседом коммунистическое движение в стране, пошел на дипломатический разрыв с Советским Союзом и вооруженный конфликт, разгоревшийся летом – осенью 1929 года в Северной Маньчжурии.

В условиях обострения отношений между Китаем и СССР и в целом усиления международной напряженности в Маньчжурии активизировалась деятельность антисоветских эмигрантских организаций. В 1928 году был создан с центром в Дайрене Дальневосточный отдел РОВС (в дальнейшем центр переместился в Шанхай), в 1930-м – Харбинское отделение Дальневосточного отдела Обще-Воинского Союза. В 1929 году на базе организации легитимистов, сторонников принявшего императорский титул в изгнании Великого князя Кирилла Владимировича, сформировался Маньчжурский отдел Корпуса Императорской Армии и Флота (КИАФ), имевший центр в Харбине. Эти организации начали консолидацию крайне разрозненной военной эмиграции, активно вовлекая в свою деятельность и эмигрантскую молодежь.

В советско-китайском вооруженном конфликте 1929 года радикальная эмиграция приняла непосредственное участие. Согласно китайским источникам, на аргуньском участке советско-китайской границы при участии командования 3-го полка китайской армии были организованы три эмигрантские боевые группы под руководством И. А. Пешкова, И. И. Зыкова и И. Аксенова, общей численностью в 123 бойца.⁸ Кроме этих отрядов действовали еще несколько небольших групп, которыми командовали Пашков, Сучков, Аллаверды, Портнягин и Солдатов.⁹ Действия белых отрядов стали одной из причин карательных вылазок советских спецподразделений на территорию Трехречья,¹⁰ в ходе которых были сожжены несколько поселков и пострадало до тысячи человек.¹¹ В Харбине формированием вооруженного отряда, так и не принявшего участия в боях, занимался генерал В. А. Кислицин,¹² ставший вскоре Представителем Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича в Маньчжурии и главой Маньчжурского отдела КИАФ.¹³ Несколько партизанских отрядов действовали в районе станции Пограничная.

После целого ряда поражений китайских войск в боях с советскими частями ОКДВА китайские власти пошли на урегулирование отношений и восстановление прежнего положения

⁶ Уваров Б. Шаньдунский офицерский инструкторский отряд (1925–1928 гг.) // Белая эмиграция в Китае и Монголии. Сост., науч. ред., предисл. и коммент. С. В. Волкова. – М., 2005. С. 145, 146.

⁷ Подробнее об истории Русской группы войск Шаньдунской армии см.: Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. – М., 2007.

⁸ Тарасов А. П. Противостояние красных и белых в китайском Дамысово (28 сентября 1929 г.) // <http://mifussr.lifejournal.com/71094.html> (дата обращения: 28.01.2014).

⁹ Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). – М., 2007. С. 165.

¹⁰ Трехречье – приграничный с советским Забайкальем район в бассейне рек Дербул, Хаул и Ган, населенный преимущественно казаками Забайкальского казачьего войска.

¹¹ Подробнее см.: Геноцид русских людей в Трехречье. 1929 год [Электронный ресурс] // Историко-культурное наследие Кубани: [сайт]. URL: <http://www.rus-sky.org/history/library/trekhrechie.htm> (дата обращения 15.04.2010); Мелихов Г. В. Указ. соч. С. 169.

¹² См. приложение.

¹³ Кислицин В. А. В огне Гражданской войны // Русская Атлантида. – Челябинск, 2010. № 36.

на КВЖД. Белые партизанские отряды были распущены, часть их участников арестована или выдворена за пределы Маньчжурии. Отряды, продолжившие вылазки на территорию СССР, были вскоре ликвидированы при помощи разветвленной советской агентуры. Так, один из наиболее крупных партизанских отрядов, действовавших на границе с советским Приморьем, отряд полковника Назарова в июне 1930 года при возвращении из очередного рейда попал в окружение и был почти полностью уничтожен советскими пограничниками в бою недалеко от станции Пограничная.¹⁴

Конфликт 1929 года не оправдал надежд эмигрантского политического актива на сплочение эмиграции в условиях нового подъема антибольшевистской борьбы за освобождение Родины и лишний раз показал ненадежность китайцев как союзников в этой борьбе. Новые надежды на политическую консолидацию эмиграции и формирование эмигрантских военизированных структур, как необходимых условий для продолжения борьбы за ликвидацию большевистского режима в России, появились у политических кругов эмиграции после прихода в Маньчжурию японцев.

Богатая природными ресурсами, имеющая стратегически выгодное положение Маньчжурия в геополитических планах Японии всегда занимала очень важное место. Победа в русско-японской войне 1904–1905 годов позволила японцам закрепиться в Южной Маньчжурии, получив в распоряжение почти всю южную ветку КВЖД – в дальнейшем Южно-Маньчжурскую железную дорогу (япон. Мантэцу). Революция и хаос Гражданской войны в России подтолкнули Японию к реализации экспансионистских планов в Северной Маньчжурии (бывшей российской сфере влияния) и на российском Дальнем Востоке, закончившихся провалом в 1922 году. Но если российские территории Японии пришлось покинуть, то ее присутствие на северо-востоке Китая, благодаря тесному сотрудничеству со «старым маршалом» Чжан Цзолинем, продолжало сохраняться и даже расти. Помимо экономической деятельности японцы вели интенсивную разведывательную работу в Маньчжурии. Одним из крупных центров японской разведки являлся Харбин, в котором с 1919 года действовала Японская военная миссия (ЯВМ – Токуму кикан), ряд учебно-культурных учреждений (например, Русско-Японский институт), а также коммерческих фирм, служивших в том числе и прикрытием для разведывательной работы. Уже в это время некоторые русские эмигранты тесно сотрудничали с японской разведкой.

Приход к власти в Маньчжурии патристически настроенного «молодого маршала» Чжан Сюэяня после ликвидации японской разведкой его отца в 1928 году, рост влияния советской стороны в результате победы в конфликте 1929 года, обострившиеся в ходе мирового экономического кризиса экономические проблемы Японии подтолкнули наиболее радикальные силы Страны Восходящего Солнца к решительным действиям в Северо-Восточном Китае.

В сентябре 1931 года японская Квантунская армия, использовав в качестве повода для вторжения подготовленный японскими спецслужбами инцидент у города Мукден, начала боевые действия против китайских войск и в течение нескольких месяцев подчинила себе практически всю территорию Северо-Восточного Китая. В марте 1932 года под контролем японской стороны в Маньчжурии было провозглашено «независимое маньчжуро-монгольское государство Маньчжоу-го» во главе с последним императором династии Цин – Пу И.

Приход японцев в Маньчжурию значительной частью русской эмиграции был воспринят с большим подъемом. В эмигрантских кругах обсуждались вопросы об улучшении правового положения и организации представительства эмигрантской колонии перед новыми властями. Была разрешена легальная деятельность эмигрантских политических организаций антисоветского толка и снова стала актуальной идея создания русских вооруженных формирований, чему благоприятствовали сами условия, сложившиеся в Маньчжурии в конце 1931–1932 годах.

¹⁴ Буяков А. М., Шинин О. В. Указ. соч. С. 258.

Японская интервенция, несмотря на решение Нанкина не вступать в вооруженное противостояние с более сильным противником, вызвала упорное сопротивление китайских войск и населения Маньчжурии. Во многих районах появились партизанские отряды, заметно активизировались банды хунхузов, чьи ряды пополнялись солдатами из разгромленных японцами китайских подразделений. Китайское сопротивление получало поддержку советской стороны, опасавшейся выхода японцев к своим границам. Для закордонной работы Полпредство ОГПУ ДВК имело в 1932 году 19 партизанских отрядов и 21 оперативно-ударную группу, сформированные на штатной основе.¹⁵

Волна погромов, грабежей, убийств охватила бывшую полосу отчуждения КВЖД, где проживала основная масса русских. Русские газеты того периода показывали ужасающие масштабы бедствий, особенно на восточной линии железной дороги. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, советские спецслужбы ликвидировали один из крупных центров БРП в районе станции Пограничная.¹⁶ В ряде случаев советские агенты принимали непосредственное участие в акциях китайских партизан.

Для защиты своей жизни и имущества эмигранты в некоторых поселках на восточной линии КВЖД сформировали отряды самообороны, которые либо самостоятельно, либо совместно с японскими подразделениями участвовали в вооруженных столкновениях с хунхузами. Так, жаркие боевые действия между русской самообороной, насчитывавшей до 400 человек, и хунхузами разгорелись летом 1932 года на станции Ханьдаохэцзы. Для защиты поселков обыватели станции устроили некое подобие бронепоезда – паровоз и два американских вагона, наполненных мешками с песком с бойницами для винтовок. Этот броневик все время курсировал в районе станции, сдерживая хунхузов от нападения и подбадривая местных жителей.¹⁷ В «освобождении» станции Пограничная не последнюю роль сыграл отряд штабс-капитана Б. Н. Шепунова,¹⁸ имевшего контакты с японскими спецслужбами и в дальнейшем возглавившего русское погранично-полицейское подразделение, действовавшее на станции и в ее районе.

Сложившиеся в Маньчжурии обстоятельства делали эмигрантов союзниками японцев в борьбе с китайским сопротивлением и заметно усиливали антибольшевистский эмигрантский актив. Идя навстречу пожеланиям русских, японские власти разрешили эмигрантам создать вооруженную самооборону, а также стали привлекать их к охране государственных и частных объектов и к защите границы на западной и восточной окраинах Северной Маньчжурии.

Общее руководство по формированию вооруженных отрядов из эмигрантов сосредоточилось в руках генерал-майора В. Д. Космина,¹⁹ одного из руководителей Братства русской правды в Маньчжурии и председателя созданной в 1931 году Русской фашистской партии (РФП).²⁰ Работавшие с Косминым офицеры – полковник Гербов, подполковник Н. Н. Ильин, капитан Лутовинов, поручик Осипов – укомплектовали несколько отрядов, которые в даль-

¹⁵ Буяков А. М., Шипин О. В. Указ. соч. С. 180.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Заря. – Харбин, 1932. 16 июля.

¹⁸ См. приложение.

¹⁹ См. приложение.

²⁰ Истоки *Русской фашистской партии* лежали в фашистском движении, оформившемся в стенах Харбинского юридического факультета в середине 1920-х гг. под руководством бывшего офицера Белой армии А. Н. Покровского. Русские приверженцы итальянского фашизма пытались создать новую, национально-корпоративную основу антибольшевистского движения, полагая, что монархизм утратил свой политический потенциал, а западно-демократическая идея чужда России. На рубеже 1920–1930-х гг. в Русской фашистской организации, созданной в 1925 г., разгорелись идейные разногласия, и часть более молодых соратников Покровского покинули его, образовав в 1931 г. Русскую фашистскую партию. Первым формальным председателем партии стал генерал-майор В. Д. Космин, а реальное руководство принадлежало К. В. Родзаевскому. С 1933 г. руководство РФП полностью перешло в руки Родзаевского. В 1934 г. РФП объединилась с Всероссийской фашистской организацией А. А. Вонсяцкого, имевшей штаб-квартиру в США. Результатом объединения стало создание Всероссийской фашистской партии (ВФП). Через некоторое время между Родзаевским и Вонсяцким произошел раскол. В 1938 г. ВФП была переименована в Российский фашистский союз (РФС), просуществовавший до 1943 г.

нейшем были задействованы на охране действующих и строящихся железных и шоссейных дорог: Мукден – Шаньхайгуань, Гирин – Лафачан, Лафачан – Харбин и др.²¹ В отряды особенно охотно принимали бывших военных.

Один из таких отрядов под руководством подполковника Ильина, бывшего начальника учебной команды Военно-монархического союза, был направлен в район города Фуюань, недалеко от границы с СССР. Отряд состоял из 40 человек и должен был обеспечивать себя золотодобычей. Однако найти золотую россыпь члены отряда не смогли, положение становилось критическим. Японцы, находившиеся при отряде, объявили его 1-м авангардным отрядом армии освобождения России и заявили о необходимости перехода на советскую территорию для организации повстанческого движения. Узнав об этом, голодавшие бойцы отряда стали разбегаться, и вскоре отряд прекратил свое существование.²²

Владельцы частных концессий на восточной линии также стали создавать охранные структуры из русских эмигрантов. Первый такой отряд появился на станции Яблоня летом 1932 года для охраны японской лесной фирмы Кондо. Укрепленные посты отряда размещались в тайге вдоль железнодорожной ветки концессии. Первоначальная численность охранников была сравнительно небольшой – 50 человек. Первым командиром отряда являлся штабс-капитан Я. М. Омельченко. В 1933 году были сформированы охранные отряды лесной концессии Миясито (станция Вэйшахэ) и Мулинских угольных копей, которые возглавили Г. Н. Патраков и Завьялов. В 1934 году начали действовать отряды на станциях Хайлин, Шаньши, Ханьдаохэцзы, в 1935-м – на станции Шитоухэцзы. Во главе этих отрядов находились почти исключительно русские офицеры, участники Первой мировой и Гражданской войн. Хайлинский отряд организовал и возглавил полковник С. Н. Цилов, отряд Шаньши – полковник А. И. Барцевский, Ханьдаохэцзы – прапорщик Б. Д. Быстров. В середине 1930-х годов на восточной ветке КВЖД действовало более десяти русских охранных отрядов.²³ Почти все служащие охранных отрядов являлись членами эмигрантских организаций – РОВС, КИАФ, РФП, Союза мушкетеров.²⁴

Охранные отряды находились в постоянной боевой готовности, путем разведки обнаруживая и громя базы хунхузов и обороняя охраняемые объекты от крупных отрядов противника. Что касается специальной строевой, стрелковой и др. подготовки служащих отрядов, в первые годы их существования ее практически не было.

В 1932–1933 годах русские вошли в состав пограничных отрядов, расположенных в районе станций Пограничная и Маньчжурия, и в Трехречье. В районе Трехречья русские

²¹ Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО). Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 41597. Хаджин. Л. 38, 47, 48; д. 36404. Москаленко. Л. 18, 19.

²² Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 1588. Оп. 1. Д. ПУ-6602. Т. 1. Л. 80, 81.

²³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36456. Омельченко. Л. 14, 15; д. 31517. Л. 30; д. 42047. Л. 10.

²⁴ *Союз мушкетеров* возник в Харбине в 1924 г. как организация «улично-ударного» типа, противодействовавшая разгулу советского Отмолы (Отряды молодежи), созданного после прихода на КВЖД большевиков. Название объединения было навеяно романтическими идеалами молодых создателей Союза во главе с князем В. И. Гантимуровым и шедшим в то время в городе американским фильмом «Три мушкетера». В 1925 г. часть «мушкетеров» во главе с Гантимуровым выехали в Северный Китай и поступили на службу в Русскую группу войск армии генерала Чжан Цзунчана. Часть «мушкетеров» прошли в дальнейшем обучение в Юнкерской роте и Шаньдунской военно-инструкторской школе, получив офицерские звания. Во второй половине 1920-х гг. Союз мушкетеров в Харбине вел полуподпольное существование, дискутируя «кулачными методами» с отмоляцами, что приводило к жертвам и с той и с другой стороны. В 1929 г. Союз мушкетеров провозгласил себя организацией монархического толка, шефом Союза стал Великий Князь Никита Александрович. В связи с чем организация стала официально именоваться «Союз мушкетеров Его Высочества Великого князя Никиты Александровича». Руководителем Союза с конца 1920-х гг. являлся В. С. Барышников. В первой половине 30-х гг. Союз мушкетеров достигает пика своего развития. Помимо Маньчжурского отдела, самого многочисленного и сильного, существовал 2-й Северо-Американский отдел с центром в Сан-Франциско и 3-й Шанхайский отдел. Общее количество отрядов «мушкетеров» доходило до 15. В 1937 г. из-за внутренних противоречий и стремления со стороны прояпонских кругов эмиграции поставить Союз под жесткий контроль в организации произошел раскол. Большая часть «мушкетеров» отошла от дел. Сохранившаяся часть Союза под руководством С. Егупова вошла в состав Монархического объединения и прекратила свое существование вместе с ним в 1942 г.

пограничные отряды курировал соратник атамана Семенова по ОМО, сотрудник ЯВМ, генерал-майор Т. П. Москалев.²⁵ Один из пограничных отрядов возглавлял бывший белопартизанский командир, есаул И. А. Пешков. В середине 1934 года японцы отстранили русских от несения охранной службы на западной границе Северной Маньчжурии, после чего часть пограничников были включены в поселковую полицию Трехречья и другие охранные структуры.²⁶

Задачу объединения и мобилизации военной эмиграции в Маньчжурии, повышения квалификации бывших офицеров и подготовки младшего комсостава из эмигрантской молодежи взяли на себя русские военные организации – РОВС и КИАФ.

Еще в 1930 году руководство Дальневосточного отдела РОВС приняло решение о формировании Урало-Приамурской военной группы, учету в которой подлежали бы все бывшие военнослужащие, проживавшие на территории Маньчжурии. После прихода в Маньчжурию новой власти отделы РОВС и КИАФ стали расширять свои территориальные структуры – районы и отделения – в тех местах, где размещалось большое количество эмигрантов. Первоначальное соперничество между отделами этих организаций в рубеже 1933–1934 годов уступило место сближению и некоторому сотрудничеству.

Значительная часть казачьего населения, объединенного в станицы по войсковой принадлежности, входила в состав Восточного Казачьего союза, выступавшего своего рода казачьим отделом Харбинского отделения РОВС (руководитель – генерал-лейтенант Е. Г. Сычев²⁷), и «семеновского» Союза казаков на Дальнем Востоке (руководитель – генерал-лейтенант А. П. Бакшеев²⁸).

Весной 1932 года начали действовать учебные подразделения РОВС и КИАФ. Учебное подразделение РОВС, следуя указаниям из европейского центра, сразу же открыло в Харбине повышающие курсы для офицеров, а также военно-училищные и унтер-офицерские курсы для эмигрантской молодежи.

Повышающие курсы позволяли бывшим офицерам получить новые знания в различных областях военного дела. Также существовала возможность заочно окончить Зарубежные высшие военно-научные курсы, организованные и работавшие под руководством профессора Академии Генштаба, генерал-лейтенанта Н. Н. Головина в Париже.

Военно-училищные курсы РОВС имели двухгодичный срок обучения. В программу обучения были включены такие предметы, как тактика различных родов войск, русская военная история, строевая и стрелковая подготовка, топография, инженерное дело и т. д. В качестве учебников использовались учебные материалы, издаваемые в Европе. Занятия проводились по вечерам, обычно два-три раза в неделю. На занятиях курсанты должны были присутствовать в форменной одежде: черные брюки навыпуск, коричневая гимнастерка с черными погонами, обшитыми серебряным галуном, пилотка. Количество обучающихся было невелико – 30–35 человек на курсе (взвод).²⁹ Летом для курсантов организовывался учебный лагерь на специально отведенной территории, огороженной колючей проволокой, в харбинском пригороде Чинхэ. Здесь курсанты отрабатывали навыки строевой и тактической подготовки, караульной службы, осуществляли учебные стрельбы.³⁰ По окончании курсов курсантам, хорошо выдержавшим выпускные испытания, присваивалось звание подпоручиков Русской армии с последующим зачислением их в списки личного состава подразделений РОВС.

²⁵ См. приложение.

²⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 32506. Потапов. Л. 45.

²⁷ См. приложение.

²⁸ См. приложение.

²⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36447. Л. 49, 50.

³⁰ Там же. Д. 20310. Л. 57.

Унтер-офицерские курсы РОВС были годичными и строились по образцу учебных команд Русской Императорской армии. После их окончания выпускники могли продолжить свое обучение на военно-училищных курсах.

Первым начальником учебного отряда Харбинского отделения РОВС, в который входили все военно-учебные единицы Отдела, стал полковник Генерального Штаба Яков Яковлевич Смирнов, в будущем последний командир отряда Асано. Смирнов являлся кадровым офицером, выпускником Елизаветградского кавалерийского училища. В годы Первой мировой войны служил ротмистром в 17-м гусарском Черниговском полку, имел пять боевых наград, включая орден св. Владимира IV степени с мечами и бантом. Окончил в 1916 году Военную школу летчиков-наблюдателей, а в 1917-м – ускоренный курс Николаевской академии Генштаба. Служил в кавалерийском корпусе генерала Крымова. Будучи назначенным начальником штаба Уссурийской казачьей дивизии, выбыл в ее составе на Дальний Восток. Всю Гражданскую войну Смирнов провел на Дальнем Востоке. Являлся начальником штаба 9-й Сибирской стрелковой дивизии, Владивостокской крепости и Уссурийской стрелковой бригады. Позднее в чине подполковника служил генерал-квартирмейстером штаба Приамурского военного округа и генералом для поручений 2-го стрелкового корпуса в Приморье. В декабре 1921 года уже в звании полковника возглавил один из кавалерийских полков Временного Приамурского правительства, с которым и отступил на территорию Маньчжурии в октябре 1922 года. После эмиграции жил с семьей на станции Куаньчэнцзы и в Харбине. Работал преподавателем Японо-Русского института и торговым агентом в акционерном обществе «Сунгарийские мельницы». В 1925–1926 годах служил инструктором в Русской группе войск Шаньдунской армии генерала Чжан Цзунчана. Принимал участие в работе Харбинского Общества ревнителей военных знаний и Харбинского отдела РОВС.³¹

³¹ Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. 830. Оп. 3. Смирнов Я. Я.

Смирнов Я. Я. ГАХК

Как показывают имеющиеся материалы, отношение к Смирнову в среде русской военной эмиграции было неоднозначным. Некоторые вменяли ему в вину службу «розовому» правительству Медведева во Владивостоке, при котором было уничтожено немало активных белогвардейцев, включая полковника В. Враштлиа и его людей на реке Хор, а также связи с японцами. В разгоревшемся во второй половине 1920-х годов в среде бывших офицеров Генерального штаба скандале, связанном с генералом А. И. Андогским,³² Смирнов вместе с большинством офицеров, окончивших ускоренные курсы Академии Генштаба, поддержал Андогского. Последний обвинялся в сотрудничестве с большевиками в начале Гражданской войны (участвовал в Брестских переговорах) и связях с советской разведкой, что подтверждается современными исследованиями.³³ Скандал привел к расколу офицеров Генштаба и образо-

³² См. приложение.

³³ Алексеев М. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929). – М.: Кучково поле, 2010. С. 358.

ванию двух обществ, одно из которых, Общество ревнителей военных знаний, и возглавил Андогский. Смирнов входил в состав этого общества. В дальнейшем решением Центрального правления Общества Русских офицеров Генерального штаба в Белграде Андогский был исключен из состава Общества. Недовольство старших офицеров-генштабистов вызывало и то, что Андогский читал лекции по истории Первой мировой войны японским слушателям Военной Академии в Чаньчуне, что якобы освещало «недостатки нашей Родины».³⁴

Как можно судить по косвенным данным, полковник Смирнов принадлежал к тому слою русского офицерства в Маньчжурии, который считал, что освобождение России (или части ее) возможно только при сотрудничестве с японцами, поэтому и выступал за всемерное расширение контактов с ними. Такая позиция в 1933 году привела полковника к исключению решением Суда чести из состава Обще-Воинского Союза. После этого он некоторое время входил в Военно-монархический союз генерала Космина.³⁵

Первый выпуск юнкеров военно-училищных курсов состоялся в июне 1934 года. Это событие было торжественно обставлено с большим стечением харбинской общественности, среди которой главное место занимали бывшие крупные воинские чины. Юнкера во главе с командиром роты полковником Генштаба В. А. Поповым были выстроены в зале помещения Союза (располагалось на Новоторговой улице в центре Харбина), где им был зачитан приказ начальника Отдела³⁶ генерал-лейтенанта Г. А. Вержбицкого³⁷ за номером 43 о производстве их в офицеры. Среди выпускников первого набора военно-училищных курсов находился и майор маньчжурской службы Н. Б. Коссов.³⁸

В сентябре 1934 года, в праздник Воздвижения Креста Господня, состоялся дополнительный выпуск юнкеров, которым по уважительным причинам разрешено было перенести выпускные экзамены, а в 1935-м – последний, третий выпуск. Общая численность выпускников составила 40–50 человек.

Учебная деятельность КИАФ была еще более скромной. Первоначально под руководством учебного отдела Корпуса действовали повышающие курсы для офицеров и унтер-офицерские курсы (учебная команда) для молодежи. Военно-инструкторская (юнkerская) школа КИАФ в Харбине открылась только в мае 1934 года. Школа работала в вечернее время в помещении бывшей мельницы Тетюкова в Модягоу и была, как и военно-училищные курсы РОВС, немногочисленна.³⁹ Школа просуществовала около полутора лет и сделала, вероятно, только один выпуск молодых офицеров.

В 1933–1934 годах в некоторых крупных поселках на западной линии КВЖД со значительным казачьим населением были организованы казачьи учебные команды. В этих командах во время летних сборов казачья молодежь изучала конный и пеший строй, действия с оружием, гимнастику.

Ведущие молодежные политические организации, такие как Союз мушкетеров и Русская фашистская партия, также обзавелись военно-учебными подразделениями.

«Мушкетеры», объявив себя «резервом Русской армии», еще в 1931 году при поддержке Общества офицеров Генерального Штаба организовали военно-инструкторский учебный отряд, дававший унтер-офицерскую подготовку. Летом для курсантов действовал на окраине Харбина летний тренировочный лагерь. По договоренности с РОВС «мушкетеры»,

³⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6534. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–12.

³⁵ Архив Музея русской культуры. Ф. А-43-1. Русские эмигранты на Дальнем Востоке. Кор. 1. Папка. Доклады, сводки о положении русских эмигрантов на Дальнем Востоке.

³⁶ Вероятно, в 1933 г. произошла реорганизация Дальневосточного отдела РОВС. В частности, Харбинское отделение стало самостоятельным отделом, представлявшим Обще-Воинский Союз в «независимом» государстве Маньчжоу-го.

³⁷ См. приложение.

³⁸ Часовой. – Париж, 1934. № 131–132. С. 38.

³⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33582. Шмейсер. Н/д. Л. 20; Грядущая Россия. – Харбин, 1934. № 9–10. С. 44.

окончившие учебный отряд, могли продолжить обучение на военно-училищных курсах, однако возникшие в 1933 году трения между Союзом мушкетеров и РОВС закрыли такую возможность. Всего в 1932–1933 годах учебный отряд мушкетеров дал два выпуска. В 1931 году при Союзе мушкетеров действовал Морской отряд, сделавший не более одного выпуска. Позднее, в середине 30-х годов, военная подготовка была введена для всех членов Союза. Занятия по военной подготовке проходили на базе трех групп, на которые были разбиты все «мушкетеры», – офицерской, унтер-офицерской и подготовительной (кадетской).⁴⁰

Учебный отряд фашистской партии был сформирован в 1934 году. Военную подготовку в объеме унтер-офицерского курса возглавляли подпоручик А. Н. Попов, позднее капитан И. И. Якуш и подпоручик К. П. Агеев.⁴¹ Ежегодно фашисты организовывали летний военный лагерь на Крестовом острове в Харбине. Форменная одежда членов Учебного отряда состояла из гимнастерки и брюк защитного желтоватого цвета, дополняемых сапогами и фуражкой со свастикой. На правом рукаве гимнастерки члены отряда носили повязку со свастикой.⁴² Парадная же форма, так же как и у «мушкетеров», имела черный цвет. Но в отличие от «мушкетеров», которые носили рубашку-апах с треугольной нашивкой на левом рукаве, расклешенные брюки, широкий пояс и пилотку, фашисты надевали гимнастерки, галифе, заправленные в сапоги, и фуражки. На смотрах и эмигрантских парадах и те, и другие выглядели очень эффектно, постоянно соперничая между собой.

Политизация и «военизация» эмигрантского сообщества в Маньчжурии в первой половине 1930-х годов проходила во взаимных склоках, противостоянии и борьбе между отдельными лидерами эмиграции и эмигрантскими организациями. «Семеновцы» боролись с «капелевцами», «николаевцы» – с «кирилловцами», «мушкетеры» стремились «утереть нос» казакам, а казаки терпеть не могли фашистов и выясняли отношения между собой и т. д. Мощные противоречия между эмигрантскими лидерами и организациями, отсутствие единой идеологической основы, собственная финансовая слабость и незначительная поддержка извне, – все это делало перспективы политического объединения эмиграции и восстановления ее боевого потенциала крайне призрачными.

Постоянная политическая «грызня» эмиграции была на руку японцам, имевшим свои виды на русское население Маньчжурии в планах дальнейшей экспансии на материке. Японцам был нужен не столько политический союзник в лице эмиграции, сколько управляемое и послушное сообщество, принявшее идею «императорского пути» (ван дао) – направляющей, созидательной силы Японии в развитии Восточной Азии, и готовое к ее реализации под руководством Японии.

Японские власти были заинтересованы в консолидации русской эмиграции в Маньчжурии, поэтому, когда процесс объединения эмиграции из-за многочисленных внутренних противоречий зашел в тупик, японцы его возглавили и завершили. Согласно секретным сводкам Иностранного отдела ОГПУ, в конце 1934 года состоялось инициированное японцами совещание представителей основных политических сил русской общины Маньчжоу-го, в результате чего было принято решение о создании русского отдела «Дайнихон сейгидан» («Великого японского союза справедливости»), общественной организации, основанной на принципах «классового мира» и паназиатизма. Русский отдел «Дайнихон сейгидан» получил название «Русское национальное объединение борьбы за правду».⁴³ Создание этого объединения стало решающим шагом к организации в декабре того же года Бюро по делам русских эмигрантов

⁴⁰ Мушкетер. – Харбин, 1932. № 7. С. 4, 5, 19; № 8. С. 19.

⁴¹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37484. Л. 30.

⁴² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35943. Л. 22.

⁴³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 46300. Л. 274.

в Маньчжурской империи (БРЭМ), эмигрантской администрации, ведавшей всеми сферами жизни русской общины Маньчжоу-го. В качестве «вождя» русской дальневосточной эмиграции японцами был выдвинут тесно с ними связанный атаман Г. М. Семенов, фигура которого была весьма непопулярна в широких кругах эмиграции.

Политические силы, принявшие непосредственное участие в оформлении Русского национального объединения борьбы за правду, были представлены легитимистами во главе с генералом Кислициным, казаками, признавшими верховенство атамана Семенова (Союз казаков на Дальнем Востоке), и фашистами (ВФП).⁴⁴ Представители этих же организаций заняли господствующее положение в руководстве БРЭМ: Родзаевский возглавил 2-й отдел, Бакшеев – 1-й, Гордеев и Грассе, члены Казачьего союза, – 3-й и 4-й, Кислицин после создания 7-го отдела стал его главой. Нужно отметить, что уже не безызвестный нам полковник Я. Я. Смирнов принял активное участие в организации БРЭМ и занял должность начальника канцелярии Бюро.

Эмигрантские организации, не желавшие играть по предложенным японцами правилам, оказались под пристальным вниманием японских спецслужб. В начале 1935 года ряд крупных политических фигур эмиграции были высланы из Маньчжоу-го. Прекратили свою деятельность Харбинский отдел РОВС, несмотря на все умение генерала Вержбицкого, по словам Дитерихса, лавировать,⁴⁵ Восточный Казачий союз, Партия младороссов. После «предательства» генерала Кислицина произошел раскол в легитимистском движении, и оно крайне ослабло. Дальнейшая политическая консолидация эмиграции привела к сохранению в 1938 году только двух идейно-политических образований – Российского фашистского союза и Монархического объединения, включившего в себя остатки организаций монархического толка. Монархическое объединение возглавил тесно связанный с Военной миссией идейный противник фашистов Б. Н. Шепунов.

После организации БРЭМ контроль над военной эмиграцией осуществляли созданный летом 1935 года в качестве 7-го отдела Бюро Дальневосточный союз военных в Маньчжурской империи (ДВСВ), возглавляемый генералом Кислициным, и Союз казаков на Дальнем Востоке (ДВСК), объединивший в своих рядах все казачье население Маньчжоу-го. Учету в этих организациях подлежали все бывшие военнослужащие, сотрудники охранных отрядов, молодежь, получившая военное образование.

Дальневосточный союз военных стал своеобразным наследником РОВС и КИАФ в организации русского военного образования за рубежом. Военно-учебный отдел Харбинского округа ДВСВ имел в своем составе военное (юнкерское) училище, учебную команду и повышающие курсы для старшего комсостава.

Военное училище ДВСВ, начавшее работу в 1936 году, было вечерним, со сроком обучения в два года. Первый начальник училища капитан Н. К. Бунякин и сменивший его в дальнейшем полковник Генштаба К. М. Александров являлись бывшими преподавателями военно-училищных курсов РОВС.⁴⁶ Изначально в составе училища предполагалось учредить стрелково-пулеметную и инженерную роты, эскадрон, сотню и батарею,⁴⁷ но из-за малой численности курсантов (15–20 человек на курсе) реализовать это до конца не удалось. Училище даже не имело собственного помещения, для проведения занятий приходилось арендовать класс в здании Северо-Маньчжурского университета. Выпускники училища после соответствующих экзаменов получали звание подпоручика и зачислялись в специальную роту при ДВСВ. Воен-

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Архив Музея русской культуры. Ф. А-43-1. Русские эмигранты на Дальнем Востоке. Кор. 3. Папка. Дитерихс – Миллер.

⁴⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 49059. Л. 16.

⁴⁷ Часовой. – 1936. № 163. С. 32.

ное училище действовало вплоть до начала 1945 года и выпустило из своих стен около 70 молодых подпоручиков.⁴⁸

В 1938 году Казачий союз организовал в Харбине повторительные курсы для офицеров и вечерние военно-учебные курсы для молодых казаков со сроком обучения в два года. В летнее время предполагалась организация лагерных сборов, где курсанты на практике могли бы отрабатывать полученные теоретические знания. Руководителем военно-учебных курсов был назначен полковник С. Ф. Стариков, в прошлом член КИАФ. Первый набор на курсы в том же году составил 92 человека.⁴⁹ Насколько долго просуществовали курсы ДВСК, неизвестно.

Помимо этого продолжали действовать казачьи учебные команды на западной линии Северо-Маньчжурской железной дороги (СМЖД), как стала именоваться с 1935 года КВЖД. Известно, например, что в казачьем празднике в Хайларе, главном казачьем центре Маньчжоу-го, в марте 1937 года приняли участие Учебная команда Хулунбуирского казачьего округа, полусотня Учебной команды Хайларской Мусульманской общины, Учебная сотня местной гимназии и Сводная сотня джигитов. На празднике присутствовали генерал Бакшеев, в то время начальник Главного БРЭМ, и секретарь Бюро, полковник В. Л. Сергеев. Командовал парадом войсковой старшина А. У. Акулов, начальник Хайларского отделения Союза казаков.⁵⁰

Попытки расширить свою военно-учебную деятельность предпринимала и фашистская партия, объявившая в 1935 году так называемую «фашистскую трехлетку», итогом которой должно было стать всеобщее антибольшевистское восстание в России. В 1937 году наряду с учебным отрядом фашистское руководство организовало специальные курсы военной подготовки в составе начальной группы и группы подготовки командиров. В качестве руководителей этих курсов были приглашены русские офицеры Генерального штаба – полковники Я. Я. Смирнов, Н. П. Топорков и А. А. Тихообразов.⁵¹

Еще одним русским военно-учебным заведением в Маньчжурии являлось созданное в мае 1936 года на станции Ханьдаохэцзы Военно-полицейское (юнкерское) училище (ВПУ) со сроком обучения в шесть месяцев. Появление этого училища было вызвано, прежде всего, потребностями подготовки кадров для отрядов горно-лесной полиции Маньчжоу-го, которые несли охрану имущества и персонала лесных и угольных концессий на восточной ветке СМЖД.

В 1935 году властями Маньчжоу-го было принято решение об объединении всех русских и китайских охранных отрядов на востоке Маньчжурии в единую структуру – лесную (горно-лесную) полицию. В связи с чем предполагалось создание новых отрядов, увеличение их личного состава, обеспечение более высокой боеготовности полицейских подразделений.

Летом 1935 года начало работу Управление охранных отрядов, под чьим руководством шла реорганизация русских охранных структур. Возглавил Управление бывший начальник Яблоньского русского охранного отряда, осетин, ротмистр Александр Николаевич Гукаев (он же был первым начальником ВПУ).

⁴⁸ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 36446. Л. 33.

⁴⁹ Зов казака. – Харбин, 1938. С. 54, 55.

⁵⁰ Луч Азии. – Харбин, 1937. № 4 (32). С. 18–22.

⁵¹ Нация. – Шанхай, 1937. № 10. С. 3, 4.

Гукаев А. Н. ГАХК

Как и многие командиры русских отрядов, Гукаев являлся офицером военного времени. Будучи мобилизован по досрочному призыву в 1915 году, Александр был зачислен вольноопределяющимся в Осетинский конный полк Кавказской кавалерийской дивизии (имел полный курс гимназии), закончил полковую учебную команду. В июне 1916 года его с фронта направили для учебы в Екатеринодарское казачье военное училище, но за неимением вакансии позднее определили в 1-ю Тифлисскую школу прапорщиков, которую он и окончил в мае 1917 года. Оказавшись в начале 1918 года в Сарапуле, Гукаев принял участие в восстании, которое было организовано подпольной офицерской организацией. Позднее скрывался, примкнул к Ижевско-Воткинским повстанцам. Формировал и возглавлял конные части Воткинской армии, командовал эскадроном в рядах Ижевско-Воткинской дивизии, участвовал в Сибирском Ледяном походе. Был удостоен чина ротмистра, награжден орденами св. Анны IV степени и св. Владимира IV степени. Летом 1920 года был тяжело ранен, находился на излечении в Нерчинске и Харбине. После выздоровления работал кассиром в Восточном товариществе в Харбине. Желая возвратиться в родную воинскую часть, выехал в августе 1922 года во Владивосток, но в часть не попал и, не сумев эвакуироваться, добрался пешком до бухты Датта. Здесь Гукаев давал частные уроки, работал на заготовке рыбы и рубке леса. Находился под надзором ОГПУ

и, опасаясь разоблачения (скрывал, что он бывший офицер), в конце 1925 года бежал в Маньчжурию через Благовещенск. Первые годы после побега жил в Харбине, сменил несколько мест работы, три года учился на Юридическом факультете, но так его и не окончил. В 1933 году Гукаев выехал на восточную линию КВЖД, где служил доверенным британского лесопромышленного товарищества на станции Вэйшахэ и руководил местной ячейкой ВФП. В начале 1935 года он по просьбе начальства концессии Кондо возглавил Яблоньский охранный отряд.⁵²

В процессе реорганизации в марте 1936 года русские охранные отряды были переименованы в отряды горно-лесной полиции Маньчжоу-го и получили порядковые номера. Яблоньский отряд стал именоваться 1-м русским отрядом горно-лесной полиции, Вэйшахэ-йский – 2-м отрядом, Шитоухэцзийский – пятым, Эрдаохэцзийский – восьмым, Мулинский – девятым. Появились отряды на копиях Кейсэй (Лишучжэнь), в поселке Саньдаохэцзы и др. На вооружение отрядов помимо винтовок и гранат поступили пулеметы (в том числе тяжелые), гранатометы и автоматы. В три-четыре раза увеличилась численность личного состава. Согласно сводке штаба 3-й японской дивизии, размещавшейся на востоке Маньчжурии, в 1936 году общая численность служащих отрядов горно-лесной полиции, располагавшихся в семи уездах на востоке Маньчжурии, превышала полторы тысячи человек.⁵³ Большинство отрядов для патрулирования охраняемых территорий имели лошадей.

Для личного состава лесных полицейских отрядов была введена новая форма, идентичная форме других полицейских подразделений Маньчжоу-го, и номенклатура званий, имевших соответствия армейским чинам. Командир отряда обычно имел звание надзирателя 1-го разряда (или старшего надзирателя), что соответствовало званию старшего лейтенанта в армии Маньчжоу-го или капитана в японской армии. В ходе реорганизации русское руководство отрядов сохранилось, но настоящими хозяевами положения стали японские советники, назначавшиеся в каждый отряд.

Как и раньше, основной задачей горно-лесной полиции являлась борьба с китайскими хунхузами и партизанами. Последние, как показывают советские документы, особенно после начала японо-китайской войны, активно поддерживались советской стороной, предоставлявшей партизанам укрытие на своей территории и обеспечивавшей их боеприпасами и продовольствием. Кроме того, для китайских партизан было организовано обучение политграмоте.⁵⁴

Обычно русские полицейские, получив сведения о появлении китайских вооруженных отрядов от местных жителей или путем предварительной разведки, скрытно выдвигались к предполагаемому месторасположению хунхузского лагеря с целью окружения и ликвидации противника. Используя внезапность, имея хорошо подготовленных бойцов и более хорошее вооружение, нежели у бандитов, полицейские часто выходили из этих схваток победителями, несмотря на то, что численный перевес был нередко на стороне хунхузов. Одним из наиболее «результативных» и отчаянно смелых русских командиров являлся командир взвода Вэйшахэ-йского отряда (позднее начальник Шитоухэцзийского отряда) В. И. Майоров.

Описания боевых столкновений полицейских с хунхузами неоднократно размещались на страницах издававшегося с 1939 года Союзом полиции Маньчжу-ди-го журнала «Друг полиции». В этом же журнале приводились интересные подробности о жизни хунхузов, об организации и охране их баз и т. п.

Статистика количества боев, проведенных русскими полицейскими против хунхузов и партизан, отсутствует, но известно, например, что бойцы только одного Эрдаохэцзийского отряда в 1937 году приняли участие в 37 боях с хунхузами, в 1938 году – в 19.⁵⁵ Среди круп-

⁵² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 39580. Гукаев А. Н. Л. 15; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11800. Гукаев А. Н.

⁵³ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33286. Горюков. Л. 87, 88.

⁵⁴ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: сб. документов. Т. 1. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 – декабрь 1939 г.). – М.: АО «Книга и бизнес», 1995. С. 36, 37.

⁵⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 33286. Горюков. Л. 89.

ных боев между русскими полицейскими и хунхузами (или партизанами) стоит отметить бой в зоне ответственности Вэйшахэйского отряда, произошедший в марте 1937 года. Тогда около 50 русских полицейских из состава Вэйшахэйского и Яблоньского отрядов под командованием полковника Федорова напали на китайский отряд, насчитывавший до 600 человек. Партизаны были разбиты благодаря внезапности нападения и слаженным действиям полицейских.⁵⁶ Летом 1938 года Вэйшахэйский и Яблоньский отряды вели бой с партизанской группировкой, насчитывавшей до двух тысяч человек.⁵⁷

Итак, русское Военно-полицейское училище разместилось на станции Ханьдаохэцзы. Это была одна из двух деповских станций на восточной линии СМЖД в 270 км от Харбина. Станционные постройки раскинулись между покрытыми живописной глухой тайгой невысокими сопками. До 1917 года здесь располагалась первоначально бригада, а позднее Штаб и войска 3-го отряда Заамурской пограничной стражи.⁵⁸ В 20-е годы на станции, включавшей в свой состав четыре поселка с численностью населения свыше четырех тысяч человек, действовали две электростанции, размещались охранные войска, полиция, суд и тюрьма. ВПУ занимало несколько зданий, когда-то принадлежавших Русской охранной страже, – в частности, здание Офицерского собрания, упоминающееся в произведениях известного разведчика, естествоиспытателя, писателя Дальнего Востока Н. А. Байкова.

Работу училища обеспечивали в основном русские кадры, хотя с 1937 года его начальником был японец. Русским заместителем начальника ВПУ практически на всем протяжении его существования являлся полковник В. Н. Федоров, бывший начальник Вэйшахэйского полицейского отряда. Курсовыми офицерами в разное время служили полковник Федоров, полковник Генштаба В. А. Попов, в прошлом командир роты военно-училищных курсов РОВС, подполковник Н. Н. Ильин, поручик Н. А. Ядыкин, подпоручик К. П. Агеев. Двое последних для нас особенно интересны, поскольку в дальнейшем они будут служить в отряде Асано.

⁵⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37244. Майоров. Л. 33.

⁵⁷ Там же. Д. 36899. Матов. Н/д. Л. 17.

⁵⁸ *Заамурский округ Отдельного корпуса пограничной стражи* – территориально-организационная структура военной охраны Китайской Восточной железной дороги и ее служебного и технического персонала. Округ был создан в 1901 г. на базе Охранной стражи КВЖД. На момент формирования он состоял из 55 рот, 55 сотен, 6 батарей и 25 учебных команд, с общей численностью личного состава в 25 тысяч человек. В годы русско-японской войны части корпуса принимали участие в боевых действиях. После окончания русско-японской войны в связи с сокращением протяженности КВЖД численность войск Заамурского округа была сокращена. В 1910 г. округ был вновь реорганизован и получил военную организацию. Он включил в себя 6 пеших и 6 конных полков, 4 батареи, саперную роту и другие части. В период Первой мировой войны основная часть войск округа была направлена на юго-западный фронт. Недостаток сил для охраны КВЖД восполнялся организацией ополченческих дружин. Официально охранная стража КВЖД прекратила свое существование в июле 1920 г.

Ядыкин Н. А. ГАХК

Николай Александрович Ядыкин родился в 1900 году в Тургайской области. В марте 1919 года после окончания Боровской лесной школы (станция Щучья Акмолинской области) он добровольцем вступил в армию Колчака, в 4-й Тюменский кадровый полк, окончил полковую учебную команду и был направлен для обучения в Челябинскую учебно-инструкторскую школу. В период обучения принимал участие в боях на Уральском фронте и за храбрость был награжден Георгиевским крестом IV степени. В сентябре получил производство в чин подпоручика и назначение командиром взвода в Отдельный Уральский егерский батальон 12-й Уральской дивизии. В боях на реке Тобол был ранен и эвакуирован в санитарном эшелоне на остров Русский. После окончательного излечения в конце 1920 года Ядыкин был включен в Отдельный Уссурийский имени атамана Калмыкова дивизион Гродековской группы войск, в 1921 году произведен в поручики. Участвовал в Хабаровском походе. Будучи раненым в бою под селом Монастырище в октябре 1922 года, попал во Владивосток, откуда с эскадрой адмирала Г. К. Старка был эвакуирован в Гензан. В дальнейшем лечился и жил в Чанчуне. Весной 1925 года Ядыкин поступил рядовым бойцом на службу в Русскую группу войск Шаньдунской

армии. Позднее командовал ротой, являлся помощником командира полка по строевой части, начальником Отдельной офицерской роты и старшим инструктором 165-й бригады. Закончил службу весной 1927 года в звании майора. Возвратившись в Харбин, некоторое время работал на КВЖД, позднее десятником строительного товарищества на лесной концессии на реке Чол и полицейским-регулирующим движением Новгородного полицейского участка Харбина (1932–1935). Состоял членом КИАФ и ДВСВ. В мае 1936 года Ядыкин, в то время обер-офицер для поручений при Отделе генерал-квартирмейстера штаба ДВСВ, был направлен в качестве инструктора в Военно-полицейское училище на станции Ханьдаохэцзы.⁵⁹

⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 194, 284; ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Ядыкин Н. А.

Агеев К. П. ГАХК

Константин Петрович Агеев родился в 1910 году в Бугуруслане, в 1919 году был вывезен родителями в Маньчжурию, где семья жила сначала на станции Вэйшахэ, позднее – на станции Ханьдаохэцзы. Окончив высшее начальное училище в 1926 году, Константин стал работать учеником лесопромышленного предприятия Кудрявцева, а в дальнейшем, освоив профессию телеграфиста, – телеграфным служащим на станциях Вэйшахэ и Санчахэ. В 1930 году Агеев

уехал в Шанхай, где, как и многие другие молодые люди из Харбина, не имея достаточного знания английского языка, служил в Русском полку Шанхайского волонтерского корпуса.⁶⁰

⁶⁰ *Шанхайский Русский волонтерский полк* – первоначально как Русский отряд Шанхайского волонтерского корпуса был сформирован при непосредственном участии генерал-лейтенанта Ф. Л. Глебова в январе 1927 г. Целью его создания являлась необходимость привлечения русских эмигрантов для охраны объектов иностранных концессий в период борьбы прокоммунистически настроенных китайцев против иностранного влияния и войны между Северным и Южным Китаем. Основу отряда составили чины Дальневосточной казачьей группы в количестве 40 человек. Весной 1927 г. численность отряда выросла до 300 человек, позднее была несколько сокращена. С июля 1928 г. отряд был переименован в Отдельный русский отряд Шанхайского волонтерского корпуса. В начале 30-х годов в условиях разрастающегося японо-китайского конфликта численность охранных структур иностранных концессий Шанхая заметно выросла. В феврале 1932 г. русский отряд был переформирован в Шанхайский русский волонтерский полк 4-ротного состава численностью до 400 человек. Командирами Русского отряда последовательно являлись капитан 1-го ранга Н. Г. Фомин, полковник Г. Г. Тиме, полковник С. Д. Иванов. В декабре 1943 г. Русский волонтерский полк был преобразован в 4-й отряд обще-полицейского корпуса Шанхая. Подразделение прекратило свое существование в 1945 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.